

Лян Шу покачал головой: «Тот чиновник, что сговорился с Ду Цзином насчёт обмена зерна, уже почти установлен. Мне нужно сначала разобраться с этим делом».

— Тогда Ваше Высочество, займитесь своими делами, а о горных заботах не беспокойтесь, — сказал Лю Сюаньань. — Я присмотрю за людьми.

Лян Шу проводил его обратно в покойницкую и, глядя на его широкий поношенный халат, вдруг спросил: «Хочешь, я пришлю тебе несколько комплектов одежды?»

Лю Сюаньань опешил: «А?»

Он опустил взгляд на своё платье, не найдя в нём ничего неподобающего, и с осторожностью и лёгкой тревогой в голосе спросил: «Ваше Высочество... белый цвет не жалуете?»

Лян Шу и вправду не особо любил белый — слишком уж он чистый, чист, как горсть снега, которому место разве что в столь же чистом небе, чтобы им любовались. На северо-западе, где вечно висят песчаные бури, а на поле боя — кровавый туман и останки, белоснежное, ступи оно в такую среду, неминуемо запачкается.

Но хоть он и не любил этот цвет, деспотом, запрещающим другим его носить, не был. Предложить одежду его побудило лишь то, что старый халат Второго господина Лю был уж слишком широк и неудобен, годился разве что для бесед о бессмертных с седобородыми старцами в глубине бамбуковой рощи, а не для мирских трудов.

— Сегодня пораньше вернись и отдохни, — сказал Лян Шу. — Завтра в городе найдётся другой лекарь, он поднимется сюда. Хоть искусством он и не блещет, но всё же лучше тех подручных, что понятия не имеют о медицине. Если что потребуется, просто распорядись им.

Лю Сюаньань согласился и, проводив взглядом удаляющегося князя, вернулся к изучению тела Ду Цзина. Трудным это занятие он не считал; напротив, каждый раз, обнаруживая новую разновидность гу, он находил в сокровищнице своей памяти соответствующие записи, и это казалось ему довольно занятным.

Летом стояла жара, и даже обработанные тела долго не хранились, потому Лю Сюаньань провёл в покойницкой ещё два часа, пока не занялась утренняя заря. С ноющей болью во всём теле он вернулся в свою комнату. Не стал будить А-Нина, сам принёс два таза чистой воды, обтёрся, умылся и отправился на покой.

Возможно, от усталости, а может, от непривычки к труду Второй господин Лю делал всё очень медленно. То, на что другим требовалось четверть часа, у него занимало никак не меньше половины. Словно бумажная кукла на сцене, он передвигался неспешно, растягивая время вдвое. Пусть зрители изнывали от нетерпения, он же пребывал в собственном мире, размеренном и самодостаточном.

Приведя всё в порядок, Лю Сюаньань чистеньким забрался под одеяло и уже собирался погрузиться в сладкий сон, как вдруг вспомнил нечто крайне важное. Он вновь открыл глаза и несколько раз благоговейно повторил про себя: «Только не сны, только не сны, только не сны».

И заснул.

И снов действительно не было.

Лю Сюаньань спал прекрасно, и, поскольку Его Высочество князь Сяо не тревожил его, он

поднялся лишь к полудню. А-Нин как раз готовил снадобья за дверью, услышал шорох в комнате, вошёл и, помогая господину умыться, сказал: «Сегодня утром мисс Чэн принесла нам несколько комплектов одежды. Говорит, Город Алых Облаков долго был заперт, всякой утвари не хватает, да и в лавках портных мало что найдёшь. Кое-как собрала вот это. Говорит, неказисто, зато для дела удобно».

Такой тёмной короткой одежды Лю Сюаньань прежде никогда не носил, но к нарядам он был неприхотлив, потому взял комплект и переоделся. А-Нин накинул ему на шею передник и, с улыбкой оглядывая, сказал: «Теперь ты и вовсе на старшего брата похож!»

В комнате зеркала не было, и Лю Сюаньань отправился во двор, чтобы взглянуть на своё отражение в тазу с водой и понять, насколько же он похож на брата. В этот миг в ворота вошёл мужчина и спросил: «А здесь обитает божественный лекарь Лю?»

Лю Сюаньань обернулся. Мужчина, видимо, не ожидал, что под грубой простой одеждой скроется лик, не имеющий себе равных в мире, и явно опешил. В голосе его зазвучала почтительность: «Меня зовут Сан Яньнянь, я лекарь из Города Алых Облаков. Господин Ши велел мне помочь божественному лекарю заботиться о людях».

— Господин Сан, — отозвался Лю Сюаньань. — Тогда я позже запишу всё, на что следует обратить внимание, а что именно делать — А-Нин вам растолкует.

— Хорошо, — кивнул Сан Яньнянь. — А вы-то сейчас куда направляетесь?

— Продолжу искать гу в теле. — Лю Сюаньань взял недоеденный с вечера пакетик сладостей и направился к выходу. — Сегодня последний день. Если вам интересно, присоединяйтесь.

Сан Яньнянь поспешно согласился и засеменял следом. Он был прирождённым лодырем, отлично сознававшим, сколь ничтожны его познания в медицине. Тщеславный и корыстный, он частенько хитрил с лекарствами, за что не раз бывал бит. На сей раз Ши Ханьхай призвал его в горы, да ещё велел безвозмездно хлопотать о каких-то отравленных, отчего Сан Яньнянь был страшно недоволен и изначально решил отбывать время спустя рукава. Но, увидев Лю Сюаньаня, он, сам не зная почему, вдруг обрёл прыть.

Перед входом в покойницкую Лю Сюаньань сунул в рот последний кусочек сладости и натянул перчатки. Гу из тела Ду Цзина до конца так и не извлекли, потому с каждым днём оно становилось всё ужаснее. Он приподнял белую ткань, чтобы взглянуть, какое новое выражение появилось сегодня, а стоявший рядом Сан Яньнянь уже вскрикнул от ужаса и выбежал за дверь, чтобы вырвать.

Лю Сюаньань проглотил сладость, взял пинцет — и не стал на него отвлекаться.

Сан Яньнянь чуть не исторг из себя все внутренности, к полудню у него поднялся жар, и он лежал на койке еле живой. А-Нин с досадой пробурчал: «Да это же не помощник, а обуза! Пойду-ка я доложу мисс Чэн, пусть поскорее забирает его отсюда».

— Не такая уж и обуза, — возразил Лю Сюаньань. — По крайней мере, жар себе сбить он сумеет, и нам хлопотать о нём не придётся. Ступай, распорядись, чтобы воду вскипятили.

Последние два дня все горные кадки были пущены в ход, да Ши Ханьхай ещё с подножья прислал партию — для лекарственных ванн. Принявшие ванну выстраивались в очередь к Второму господину Лю и А-Нину, чтобы извлечь гу. Это была задача, требовавшая подлинного врачебного искусства, обучить которому за краткий срок невозможно, потому приходилось

трудиться самим.

Часто к исходу дня у Лю Сюаньаня в глазах двоилось. А-Нин прикладывал к его векам платок, пропитанный лечебным настоем, и говорил: «Я пойду, приготовлю всё необходимое, а вы пока не засыпайте».

Лю Сюаньань неопределённо промычал в ответ, а в следующий миг его мысли уже унеслись в неведомые дали. Платок на глазах был прохладен и благоухал камфарой с ментолом, что весьма приятно щекотало ноздри. Он постукивал пальцами по столу, что-то невнятно напевая, но, не успев подыскать подходящего бессмертного для дуэта, почувствовал, как сонливость окутывает его мозг. Великий Путь завертелся с бешеной скоростью, и сознание его разлетелось на части.

И когда Второй господин Лю всем существом расслабился, готовясь погрузиться в хаос великого сновидения, в ментоловый аромат вдруг вплелась иная нота — тяжёлая, густая, холодная и пряная.

Это был сандаловый запах, исходивший от Лян Шу. Веки Лю Сюаньаня дрогнули. С одной стороны, ему хотелось сказать тому, что сегодня все три тысячи миров закрыты, и попросить зайти в другой раз. Но с другой — коль скоро это всего лишь сон, стоит лишь постараться очнуться, и объяснений не потребует.

Судя по степени лени Лю Сюаньаня, второй вариант, несомненно, был проще. Он попытался открыть глаза, чтобы проснуться до появления Лян Шу, но платок словно обрёл невесомую тяжесть, пригвоздив его к месту.

Позади раздался голос Лян Шу: «Что ты делаешь?»

Лю Сюаньань сделал вид, что не слышит, и упрямо не оборачивался, опасаясь, как бы на сей раз Его Высочество князь Сяо вновь не явился купаться нагишом.

Лян Шу похлопал его по щеке: «Проснись».

Лю Сюаньань всё не пробуждался — главным образом потому, что не желал того. Впереди смутно вырисовался белый журавль. Обрадовавшись, он протянул руку, чтобы позвать его и умчаться прочь, но кто-то схватил его за запястье.

Он коротко вскрикнул и наконец покинул сон.

Лян Шу снял с его глаз платок и спросил: «Ты в порядке?»

Лю Сюаньань аж дух захватило — он не понимал, как этот человек сумел перекочевать из сна в явь. Он лишь уставился на того широко раскрытыми глазами, сердце колотилось, как барабан. Наконец он прохрипел: «Ваше Высочество, как вы здесь оказались?»

— Дела внизу почти улажены, вот я и поднялся взглянуть, — ответил Лян Шу, наливая ему воды. — Вижу, снаружи многие костры разводят.